

СУБКОМАНДАНТЕ МАРКОС, ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА

Между светом и тенью

Ла-Реалидад, планета Земля.

Май 2014 г.

Товарищ, товарищи:

Добрый вечер, день, утро в любой из ваших географий, времени и прочего.

Доброй глубокой ночи.

Я бы хотел попросить у товарищей, последователей Шестой (*имеется в виду Шестая декларация Лакандонской сельвы, опубликованная в июне 2005 г., последний программный документ сапатистов, призывающий к широкому прямому и горизонтальному диалогу на равных со всеми антикапиталистическими силами Мексики для создания единого движения сопротивления неолиберализму, - прим. переводчика*), прибывших из разных мест, особенно тех, кто представляет свободные средства информации терпения, терпимости и понимания по отношению к тому, что сейчас скажу, потому что это будут мои последние публичные слова перед тем, как меня не станет.

Я обращаюсь к вам и к тем, кто благодаря вам нас видит и слышит.

Может быть, с самого начала или с середины этих слов в вашем сердце появится и будет расти чувство того, что что-то здесь неуместно, что-что-то не складывается, как будто не хватает одной или нескольких частей показываемой вам головоломки. Будто просто чего-то не хватает.

Может быть потом, через дни, недели, месяцы, годы, десятилетия, станет понятным то, о чем мы сейчас говорим.

Мнение моих товарищей из САНО (*Сапатистской Армии Национального Освобождения - прим. переводчика*) меня в этом отношении не беспокоит, мы здесь к этому привыкли: двигаться, бороться, всегда зная, что всегда чего-то не хватает.

И это все при том что, и только пусть никто не обижается, умственные способности сапатистских товарищей обычно намного выше средних.

Кроме того, мы удовлетворены и гордимся тем, что решение о котором мы сообщим сейчас нашим товарищам как из САНО так и последователям Шестой, является решением коллективным

Мы рады тому, что о том, что я сейчас скажу, первыми проинформируют всех свободные, альтернативные, независимые средства информации этого нашего архипелага боли, возмущения и достойной борьбы, именуемого «Шестой декларацией».

И если когда-нибудь кого-то еще заинтересует произошедшее в этот день, чтобы узнать об этом он должен будет обратиться с свободным средствам информации.

Начнем. Добро пожаловать в сапатистскую реальность.

I.- Трудное решение

Когда наши кровь и огонь окрасили 1994 год, для нас, сапатистов, это вовсе не было началом войны.

Война тех, кто наверху, смертью и разрушением, грабежом и унижением, эксплуатацией и молчанием, навязываемыми побежденным, началась против нас века назад.

1994 год для нас стал лишь одним из эпизодов войны тех кто снизу против тех, кто наверху, против их мира.

Это война сопротивления, которая ведется каждый день в каждом уголке всех пяти континентов, во всех их горах и деревнях.

И эта борьба многих, тех кто внизу, борьба ради человечества и против неолиберализма, была и остается нашей.

Вопреки смерти мы требуем права на жизнь.

Вопреки молчанию мы требуем слова и уважения.

Вопреки забвению – памяти.

Вопреки унижению и презрению – достоинства.

Вопреки подавлению – бунта.

Вопреки рабству – свободы.

Вопреки навязыванию – демократии.

Вопреки преступлению – правосудия.

Кто, имеющий в венах хоть немного человечности, мог бы или может сомневаться в справедливости этих требований?

И тогда многие нас услышали.

Начатая нами война дала нам шанс достичь ушей и сердец ближних и дальних географий.

И чего бы ни не хватало и не хватает нам сегодня, нам удалось тогда добиться многих

взглядов, ушей и сердец.

В тот момент у нас появилась необходимость ответа на один важный вопрос:

А что потом?

В наших мрачных расчетах кануна восстания не оставалось места ни для каких других вопросов. Так этот вопрос привет нас к следующим:

Готовить тех, кто придет к нам на смену к дороге смерти?

Готовить лучших солдат и больше солдат?

Делать вид, что мы за диалог и за мирное соглашение, готовя при этом новые военные удары?

Превратить процесс убивания и умирания в наше единственно возможное будущее?

Или же мы должны каким-то образом попробовать восстановить дорогу жизни, ту, что разрушили и продолжают разрушать те, кто вверху?

Это дорога не только коренных народов, она принадлежит еще и трудящимся, студентам, учителям, молодежи, крестьянам, и вообще всем отличным от тех, кто вверху, всем кто снизу презираем и преследуем.

Должны были мы в очередной раз в истории отметить нашей кровью путь, ведущий других ко Власти, или же мы должны были повернуть наш взгляд и сердце к тем, кем мы являемся сами, то есть коренным народам, хранителям земли и памяти?

Тогда никто этого не услышал, но в этом первом бормотании, являвшемся нашими первыми словами, мы предупредили, что наша дилемма заключается не в том, чтобы вести переговоры или воевать, а в том, чтобы жить или умереть.

Тот, кто заметил тогда, что эта ранняя дилемма была не индивидуальной – возможно тот после этого лучше понял что происходило в сапатистской реальности последние 20 лет.

Я говорил вам, что мы столкнулись с этим вопросом и этой дилеммой.

И мы выбрали.

И вместо того, чтобы посвятить себя подготовке партизан, солдат и эскадронов, мы занялись подготовкой специалистов по образованию и здравоохранению, и так были созданы основы сапатистской автономии, удивляющей сегодня мир.

Вместо постройки казарм, совершенствования нашего оружия, строительства стен и рытья окопов, были построены школы, больницы и медицинские центры, мы улучшили наши условия жизни.

Вместо борьбы за право занять место в пантеоне индивидуализированных мертвых снизу, мы решили заняться строительством жизни для всех.

Все это происходило в условиях войны, которая из-за своей неопределенности была ничуть не менее летальной.

Потому что одно дело крикнуть на демонстрации «вы не одни!» и совсем другое столкнуться наедине с корпусом бронированной колонны федеральных войск, как это было в зоне Чьяпас Лос-Альтос и дальше – гадать повезет ли, если об этом кто-то узнает и повезет ли чуть больше, если об этом кто-то узнает и возмутится и повезет ли еще больше и тот, кто возмутится сделает что-то еще.

И в это время танкетки оказываются остановлены сапатистскими женщинами, которые ввиду отсутствия моторизованного автопарка, при помощи града камней и упоминания какой-то матери заставляют стальную змею отступить.

В это время в северной зоне Чьяпаса создаются и растут группы «белой гвардии», превращающиеся в ультраправых боевиков, в зоне Цоц Чох не прекращаются нападения крестьянских организаций, у которых от «независимых» нет даже названия и в зоне Сельвы Цельталь – комбинация между группами ультраправых боевиков и «контрас».

И одно дело – кричать на митинге «все мы Маркос!» или «не все мы Маркос!», в зависимости от случая, и совсем другое – быть преследуемыми целой военной машиной, с оккупацией деревень, с прочесыванием гор, с использованием дрессированных собак, с винтами военных вертолетов, раскачивающих кроны сейб, с объявлениями с предложением компенсации за то, что «живым или мертвым», возникшими в первые дни января 1994 г. и достигшими максимально истерического уровня в 1995 г.,... и все что происходило потом в Пограничной Сельве, нападения на крестьянские организации, использование ультраправых боевиков, милитаризация зоны, угрозы.

Если во всей этой истории есть какой то миф – то это не миф маски, а ложь, повторяемая с тех самых пор и подхваченная многими людьми даже с высшим образованием; ложь о том, что война против сапатистов продолжалась всего 12 дней.

Я не буду приводить здесь детального анализа. Любой серьезный человек, обладая хоть немного критическим мышлением, может восстановить всю эту историю, и выполнить все несложные упражнения по сложению и вычитанию, чтобы сказать, кого в результате было больше – репортеров или солдат с полицейскими и чего было больше – фраз одобрения или оскорблений с угрозами, и цена назначалась за то чтобы увидеть его без маски, или за то что «живым или мертвым».

В этих условиях, иногда за счет наших собственных усилий, а иногда благодаря щедрой и бескорыстной поддержке людей со всего мира, нам удалось продвинуться в этом

строительстве, правда, пока еще далеко не законченном, но уже определенном, того, чем мы являемся.

Поэтому то что «мы здесь, всегдашние мертвые, умирающие снова, но на этот раз чтобы жить» - это не удачная или неудачная фраза. Это реальность.

И почти через 20 лет после этого...

21 декабря 2012 года, когда в очередной раз политика совпала с экзотерикой в своем привычном предсказании привычных катастроф для привыкших к ним тех, кто снизу, мы повторили опыт 1 января 1994 г. и без единого выстрела, без оружия и не произнеся ни единого слова, вновь заняли города, ставшие колыбелью расизма и высокомерия.

Если 1 января 1994 г. тысячи мужчин и женщин без лиц атаковали и вынудили сдать гарнизоны, защищавшие города, 21 декабря 2012 десятки тысяч молча заняли здания, где праздновалось наше исчезновение.

Одного только неоспоримого факта того, что САНУ не только не ослабла и тем более не исчезла, а наоборот выросла количественно и качественно, должно было бы хватить, чтобы любой минимально мыслящий человек понял, что за эти 20 лет внутри САНУ и наших общин что-то серьезно изменилось.

Может быть, многие подумают, что мы ошиблись в выборе и что армия не может и не должна заниматься вопросами строительства мира.

Этому действительно есть множество причин, и главной была и остается та, что таким образом мы сами себя обрекаем на то чтобы исчезнуть.

Может быть, так оно и есть. Может быть, мы ошиблись выбрав культ жизни вместо поклонения смерти.

Но мы делали наш выбор не обращая внимания на голоса снаружи. Голоса тех, кто воспевают и требуют смертельной борьбы, когда все смерти при этом обычно чужие.

Мы сделали этот выбор глядя на себя и слушая себя, оставаясь сами собой, то есть коллективным **Вотаном** (*сердце, божество, хранитель в мифологии народов майя – прим. переводчика*).

Мы выбрали бунт, то есть жизнь.

Это не значит, что мы не понимаем, что война тех, кто сверху, всегда стремилась и стремится навязать нам свою логику.

Мы знали и знаем, что вновь и вновь сумеем защитить себя и наш выбор в том, чтобы быть такими как мы есть.

Мы знали и знаем, что для защиты жизни придется платить нашими жизнями.

Мы знали и знаем, что умираем ради жизни.

II.- Поражение?

Говорят, что мы для себя ничего не добились.

Нас не перестает удивлять полное непонимание рассуждающих на эту тему.

Они думают, что дети наших команданте должны наслаждаться поездками за границу, учебой в частных колледжах, для достижения потом высоких назначений в бизнесе или политике. Что вместо того, чтобы возделывать землю, добывая пищу трудом и потом своим, они должны красоваться в социальных сетях, развлекаться в гламурных заведениях и хвастаться роскошью.

Возможно, наши субкоманданте должны были бы рожать детей и наследовать им должности, посты, назначения, дворцы и храмы, как это делают политики всего спектра.

Может быть, нам следовало бы, как руководству СИОАК-Х и других крестьянских организаций, пользоваться привилегиями и получать денежную поддержку и финансирование проектов, оставлять себе их львиную долю и раздавать крохи рядовым участниками, в обмен на подчинение преступным приказам сверху.

Но это правда, мы ничего этого для себя не добились.

Трудно поверить, но через 20 лет после «ничего для нас», оказывается, что эти слова оказались не лозунгом, не фразой удобной для песен и транспарантов, а реальностью. Реальностью.

Если быть последовательными это поражение, предательство себя это путь успеха, путь ко Власти.

Но мы туда не стремимся.

Нам это неинтересно.

В этом смысле мы предпочитаем победе поражение.

III.- Смена власти.

За эти 20 лет власть в САНУ менялась множество раз и по-разному.

Некоторые отметили только наиболее очевидный аспект: смену поколений.

Сейчас борются и руководят сопротивлением те, кто вначале нашего восстания были детьми или еще не родились.

Но некоторые аналитики не заметили других переходных моментов нашей власти:

Классового: от образованного среднего класса к индейцам-крестьянам.

Расового: от руководства движения метисами к полностью индейскому руководству.

И самое главное – изменения идейного порядка: от революционного авангардизма к принципу править подчиняясь; от планов по захвату власти вверху к практике строительства власти снизу, от политики профессиональной к политике повседневной, от лидеров к народам, от крайнего мачизма к прямому участию женщин, от насмешек над другими, отличными, к культуре уважения и защиты разнообразия.

Не буду больше распространяться на эту тему, потому что именно наш школьный курс «Свобода согласно сапатистам» дает возможность проверить, чье мнение на организованной территории весит больше – чье-то персональное или всей общины.

Лично я не понимаю, почему многих думающих людей, утверждающих, что историю делают народы, так пугает существование правительства народа без «правителей-специалистов».

Почему народное, коллективное руководство, определяющее собственные шаги, вызывает у них такой ужас?

Почему они отрицательно качают головой в отношении этого нашего «править подчиняясь»?

Культ индивидуализма находит в культе революционного авангардизма свое самое фанатичное выражение.

Именно это, то что индейцы сами собой командуют и один из этих индейцев будет и представителем и руководителем их движения, именно это приводит их в ужас и отталкивает, и в конце концов они уходят в поисках тех, кому нужны авангарды, каудильо и лидеры. Потому что среди левых тоже есть расизм и больше всего его как раз среди тех, кто считает себя самыми главными революционерами.

Эсаэно к таковым не относится. Поэтому кто угодно не может быть сапатистом.

IV.- Изменчивая и регулируемая голограмма. То, чему не бывать.

До рассвета 1994 г. я провел в этих горах 10 лет. Я был знаком и общался со многими из тех, в чьей смерти мы умирали все это время. С тех же пор я знаком и общаюсь с другими, которые как и мы сегодня здесь.

Многими бессонными ночами я сталкивался с самим собой пытаюсь переварить рассказанные мне истории, миры нарисованные молчанием, руками и взглядами, их настойчивые попытки показать нам что-то другое, далекое, запредельное.

Тот мир, такой другой, такой дальний, такой незнакомый, он был только мечтой?

Иногда я думал, что все они ушли слишком далеко вперед, что эти слова, которые вели и

ведут нас происходят из времен, когда еще не было календарей и слова блуждали в смутных географиях, и все они всегда были о юге достойно представленном во всех системах координат.

Потом я узнал, что речь шла вовсе не о каком-то неточном и поэтому невозможном мире. Этот мир уже шагал вместе с ними.

Разве вы еще не видели его? Не видите?

Мы не обманули никого из тех, кто снизу. Мы не скрываем, что мы армия, со своей пирамидальной системой, ее центр это командование и решения принимаются сверху вниз. Мы говорим об этом, чтобы не строить из себя никаких суперлибералов или следуя моде самоотрицания.

Но каждый сегодня может увидеть, являемся ли мы армией, кому-то что-то навязывающей или кого-то к чему-то насильно вынуждающей.

Я должен сказать об этом, потому что я уже спросил на это разрешения у товарища Повстанческого Субкоманданте Моисеса:

Ничто из того, что к счастью или к несчастью было нами сделано, не стало бы возможным, если бы Сапатистская Армия Национального Освобождения с оружием в руках не выступила с оружием против негодного правительства, используя свое законное право на насилие. Насилие снизу против насилия сверху.

Мы военные, и как таковые знаем, в чем состоит наша роль и наше время.

На рассвете первого дня первого месяца 1994 года, армия гигантов, то есть восставших индейцев, спустилась в города, чтобы мир вздрогнул от их шагов.

Всего через несколько дней после этого, когда еще не была смыта с городских улиц кровь наших павших, мы поняли, что снаружи нас не видели.

Привыкшие смотреть на индейцев сверху вниз, они не поднимали взгляда, чтобы увидеть нас.

Привыкшие к нашему униженному смирению, они не нашли в своем сердце места, чтобы понять наш достойный бунт.

Взгляд не видевших нас остановился на единственном метисе в маске.

И тогда наши руководители и руководительницы сказали:

«Они видят только все такое же мелкое, как они сами. Сделаем тогда кого-нибудь таким же маленьким, как они, и тогда они его увидят, и через него увидят и нас».

Так начался сложный отвлекающий маневр, этот прием жутчайшего и прекраснейшего колдовства, зловредный фокус рожденный индейским сердцем; индейская мудрость бросала

вызов современности на одном из основных ее бастионов: в средствах массовой коммуникации.

Так началось создание персонажа, известного как «Маркос».

Прошу вас, следить за мной в следующем рассуждении:

Предположим, что существует какая-то другая, нетрадиционная форма нейтрализовать опасного преступника. Например создав для него смертельное оружие, заставить его поверить в том, что оно настоящее, убедить его в том, чтобы он опираясь на эту уверенность выстроил все свои планы, и все это только для того, что когда он соберется выстрелить, это «оружие» даст осечку и вновь станет тем, чем и было всегда – иллюзией.

Вся система, и прежде всего ее средства информации, играют в создание знаменитостей, которые потом с такой же легкостью разрушаются, если не вписываются в логику этой системы.

Их власть заключалась (уже нет, сейчас их отодвигают социальные сети) в том, чтобы решать что и кто имели право на существование в выбираемый ими момент, они и только они решали, что называть, а что замалчивать.

Но не воспринимайте моих слов слишком серьезно, ведь как показали эти 20 лет, я совсем ничего не смыслю в этих средствах массовой информации.

Таким образом СупМаркос из официального представителя превратился в персонаж, отвлекающий внимание.

Если путь войны, то есть смерти, занял у нас 10 лет, путь жизни оказался дольше и потребовал куда больших усилий, не говоря о крови.

Потому что, верьте мне или не верьте, умереть легче, чем жить.

Нам требовалось время, чтобы выжить и чтобы найти тех кто сможет увидеть нас такими, как мы есть.

Нам требовалось время, чтобы найти тех, кто будет смотреть на нас не снизу вверх и не сверху вниз, а наравне, в глаза, по-товарищески.

Я вам говорил, что тогда и началось создание персонажа.

В один день у Маркоса были голубые глаза, в другой зеленые или карие или черные, все зависело от того, кто брал интервью и фотографировал. Так он становился запасным игроком в профессиональных футбольных командах, продавцом из провинциального магазина, водителем, философом, кинорежиссером и пр., - все, что можно найти в платных изданиях этих календарей различных географий. У нас был Маркос на каждый случай. То есть на каждое интервью. И поверьте, это было не просто, в те времена не было Википедии и когда к нам

приезжали из Испании, нам приходилось с огромным трудом добывать информацию, чтобы узнать о том был ли Corte Ingles характерным видом закрояки костюмов в Англии, продуктовым минимаркетом или провинциальным магазином.

И если вы мне позволите охарактеризовать Маркоса как персонаж, я бы сказал без колебаний, что это просто ряженный.

Чтобы некоторые из вас меня лучше поняли, скажем что Маркос был несвободным средством массовой информации (внимание, несвободным – не значит платным).

В создании и сохранении персонажа мы допустили некоторые ошибки.

В течение первого года мы, как говорится, исчерпали репертуар всех возможных «Маркосов». Таким образом, в начале 1995 года у нас с этим уже были проблемы и одновременно с этим процесс самоорганизации наших селений делал свои первые шаги.

Так что в 1995 г. мы уже не знали, как быть дальше. И в этот момент Седильо «разоблачает» Маркоса тем же научным методом, которым он находит человеческие останки, т.е. по подсказке экзотериков-ясновидцев. *(президент Мексики объявил о том, что личность субкоманданте Маркоса установлена, что его настоящее имя Рафаэль Гильен, и что это преподаватель философии родом из города Тампико, столицы штата Тамаулипас на северо-востоке страны – прим. переводчика)*

История жителя Тампико нам дала некоторую передышку, хотя последующая фальсификация... вызвала у нас опасения, что платная пресса разоблачит и «разоблачение» Маркоса и докажет, что это еще одна фальшивка. Но к счастью этого не случилось. Средства информации продолжили выдумывать и повторять массу фантастических историй.

Спустя некоторое время, житель Тампико добрался до наших краев. Мы пообщались с ним вместе с субкоманданте Моисесом. Тогда мы ему предложили провести совместную пресс-конференцию, чтобы он смог освободиться от принудительного назначения на эту должность и чтобы всем стало ясно, что он и Маркос – разные люди. Он не захотел. Он приехал, чтобы остаться здесь жить. Несколько раз он выезжал отсюда и его лицо можно найти на фотографиях похорон его родителей. Если хотите, можете взять у него интервью. Сейчас он живет в одной из наших общин, в... А, я забыл, он не хочет разглашения своего точного адреса. Мы больше ничего рассказывать о нем не будем и если когда-нибудь он сам захочет то расскажет историю своей жизни после 9 февраля 1995 г. А нам не остается ничего другого, как поблагодарить его за то, что он сообщил нам информацию, чтобы время от времени подпитывать «уверенность» других в том, кем СупМаркос на самом деле не является, поскольку на самом деле он – ряженный или голограмма, а не университетский преподаватель из штата Тамаулипас.

Тем временем мы продолжали искать, искать вас, тех кто сейчас здесь с нами, и тех, кого здесь сейчас нет, но все равно они с нами.

Мы выдвигали все новые и новые инициативы для того, чтобы найти другого, другую, чтобы найти товарищей. Различные инициативы в попытках найти взгляд и уши, которые нужны нам и которых мы заслуживаем.

Все это время развитие наших общин продолжалось и происходили перемены, о которых говорилось много или мало, и которые вы здесь видите напрямую, без посредников.

Но этом поиске другого мы раз за разом терпели поражения.

Те, кого мы находили, хотели или руководить нами или подчиняться нам.

Были те, кто приближался к нам, но только для того, чтобы нас для чего-то использовать, или для того чтобы с нашей помощью посмотреть назад, из чувства ностальгии то ли антропологической, то ли политической.

Так для одних мы были коммунистами, для других троцкистами, для других анархистами, для других маоистами, для других милитаристами и оставим здесь место для всех остальных «измов», которые придут вам в голову.

Это происходило до появления Шестой декларации Лакандонской Сельвы, на сегодняшний день самой удачной и самой сапатистской из всех наших инициатив.

Благодаря Шестой декларации мы нашли наконец тех, кто смотрит нам прямо в глаза, кто приветствует и обнимает нас вот так, на равных...

Благодаря Шестой декларации мы нашли наконец вас.

Наконец мы нашли тех, кто понял, что мы никогда не искали ни поводырей, чтобы вести нас за собой, ни стада, которое мы должны вести к земле обетованной. Ни хозяев, ни рабов. Ни каудильо, ни безголовых масс.

Но оставалось увидеть, готовы ли они увидеть и услышать нас таковыми, кто мы есть на самом деле.

Здесь, внутри, развитие наших общин было просто впечатляющим.

Поэтому возник этот школьный курс «Свобода, согласно сапатистам».

Очень быстро мы поняли, что уже появилось поколение способное смотреть нам в глаза, слушать и говорить с нами не ожидая, что мы кого-то «направим» или «возглавим» и не претендуя руководить нами или подчинить нас себе.

И Маркос, как персонаж, перестал быть необходим.

Был подготовлен новый этап сапатистской борьбы.

Вот так это все случилось и многие из вас, наши товарищи по Шестой декларации, лично

и напрямую знакомы с этой историей.

Многие скажут, что эта игра в персонаж была неуместна. Но если мы честно проанализируем реалии тех дней, то мы вспомним сколько людей, благодаря ужимкам этого ряженого, с симпатией или же антипатией все-таки обратили на нас внимание.

Так что смена власти происходит не по причине болезни, смерти, внутренних разборок, чистки или очистки.

Она происходит в полном согласии с логикой внутренних изменений происходящих в САНО.

Я знаю, что это не совпадает с квадратными схемами, принятыми обычно вверху, но это нас на самом деле меньше всего волнует.

И если это разрушает ленивые и интеллектуально ущербные версии профессиональных сплетников и сапатологов..., ничего не могу поделать.

Я не болен и не болел, я не умер и не умирал.

А точнее, «столько раз меня убили, столько раз я умирал, и опять я здесь...» (*слова известной песни из репертуара аргентинской певицы Мерседес Сосы – прим. перев*)

И если мы подпитывали эти слухи, то только потому что такова была часть плана.

Последний из фокусов голограммы заключался в симуляции смертельной болезни, и даже некоторых смертей, которыми я умер.

И разумеется, фраза «если позволит его здоровье», которую субкоманданте Мойсес использовал в коммюнике, сообщая Службе Национальной Безопасности о моем возможном появлении, была нашим эквивалентом «если народ того захочет» или «если опросы мне будут благоприятствовать» или «если Господь мне позволит» и подобных клише сегодняшних политиков.

И если можно – хочу дать один совет. Старайтесь развивать в себе чувство юмора, и не только потому что это полезно для физического и психического здоровья, но и потому что без чувства юмора сапатизм понять невозможно. А тот, кто не понимает тот обычно осуждает, а тот кто осуждает – обычно приговаривает.

На самом деле это была самая простая часть работы над персонажем. Чтобы усилить слухи было достаточно только сказать некоторым конкретным людям: «я расскажу тебе этот секрет, но пообещай мне, что ты никогда и никому этого не скажешь».

И разумеется, рассказали.

Главными невольными помощниками в распространении слухов о болезни и смерти были «эксперты-сапатологи», которые в... хаотическом Мехико уверены в своей близости к

сапатизму и в своем глубоком понимании его внутренних процессов, кроме, разумеется полицейских, работающих за зарплату журналистов, журналистов, работающих за зарплату полицейских и журналистов, работающих только за зарплату, причем маленькую, как у журналистов.

Мы им всем благодарны. Мы благодарим их за умение держать язык за зубами. Они сделали именно то, чего мы от них и ожидали. Единственное плохое во всей этой истории, это то, что я очень сомневаюсь, что в будущем кто-нибудь доверит им какой-то настоящий секрет.

Наши убеждения и практика заключаются в том, что для восстания и борьбы нет необходимости ни в лидерах, ни в каудильо, ни в мессиях, ни в спасителях. Для борьбы необходимо только немного стыда, чуть-чуть достоинства и очень хорошая организованность.

Все остальное или идет на пользу коллективу или просто излишне.

Особенно комичными выглядели результаты культа личности среди аналитиков и политологов наверху. Вчера они говорили, о том что будущее нашего мексиканского народа зависит от союза между двумя персонажами. Позавчера они говорили, что Пенья Ньето уже независим от Салинаса де Гортари, не замечая, что критикуя Пенья Ньето они начинали поддерживать Салинаса де Гортари и критикуя этого последнего, они переходили в лагерь сторонников Пенья Ньето. Сейчас они говорят, что ставки надо выбирать еще выше и тех, кто контролирует сферу телекоммуникаций, поэтому ты можешь быть или за Слива или за Аскаррага-Салинаса. Или брать еще выше и надо срочно определиться ты с Обамой или ты с Путиным.

Те, кто со вздохами не перестанут смотреть наверх, могут продолжать поиски своих вождей и дальше, они и дальше могут думать, что на этот раз результаты выборов уже точно будут уважаться; что сейчас на президентских выборах Слим поддержит, наконец левых; что сейчас в игре Тронов появятся битвы и драконы, что в телесериале-комиксе «Ходячие Мертвецы» Киркман покажет наконец что-то комичное; что сейчас уже наверняка инструменты, сделанные в Китае, не будут ломаться с первой попытки использования, что футбол сейчас наконец перестанет быть бизнесом и опять станет спортом.

И может быть, в каком-то из этих случаев они и угадают, но не надо забывать, что при этом все они остаются не более чем зрителями, то есть пассивными потребителями.

Те, кто любил или ненавидел СупМаркоса теперь знают, что любили или ненавидели голограмму. Поэтому вся эта любовь или ненависть были вполне бесполезны, бесплодны, пусты.

И поэтому не будет ни дома-музея ни мемориальных табличек в местах где я родился и

рос. Никто никогда не признается в том, что он был субкоманданте Маркосом. Его имя и должность никому не будут переданы по наследству. Не будет оплаченных поездок для заграничных конференций. Не будет доставки на лечение в лучшие из клиник. Не останется ни вдов, ни наследников. Не будет похорон, почестей, статуй, музеев, премий и ничего из того, что создается системой для укрепления культа индивидуума и для презрения всего коллективного.

Этот персонаж был создан и сейчас мы, сапатисты, его создатели, решили от него избавиться.

И если вам понятен этот урок, который дают нам наши товарищи, значит вам понятен один из основных принципов сапатизма.

Вот так все сложилось за эти годы.

Мы увидели, что ряженный, персонаж, голограмма уже больше не нужны нам.

И мы стали думать и ждать соответствующего момента: точных календаря и географии, чтобы показать кем мы на самом деле являемся для тех, других, настоящих, кто нас поймет.

И только что Галеано своей смертью указал нам эту географию и этот календарь: «здесь, в Ла-Реалидад, сейчас: в боли и возмущении»

V.- Боль и возмущение. Шептания и крики.

Добравшись сюда, в Ла-Реалидад, мы почему-то не сговариваясь начали говорить вполголоса, почти шепотом, хотя никто не просил нас об этом.

Шепотом говорила наша боль и наше возмущение.

Мы как бы не хотели помешать Галеано шумом, чуждыми для него звуками.

Как будто наши голоса и шаги могли позвать его.

«Подожди, компа (*сокращенное ласкательное от «компаньеро» - «товарищ» - прим. перев.*)», говорило ему наше молчание.

«Не уходи», шептали слова.

Но есть и другая боль и другое возмущение.

Скольких мужчин, женщин, детей, стариков, память избивают, казнят, бомбят, расстреливают, рубят на куски мачете, окружают ложью, добивают, волокут среди проклятий, бросают истерзанными на пустырях, находят, хоронят и все это прямо сейчас, сегодня, в других уголках Мексики и мира.

Только некоторые из имен:

Алексис Бенумена, убит в штате Мехико

Франсиско Хавьер Кортес, убит в штате Мехико

Хуан Васкес Гусман, убит в Чьяпасе

Хуан Карлос Гомес Сильвано, убит в Чьяпасе

Компа Куй, убит в столичном округе

Карло Джулиани, убит в Италии

Алексис Григоропулос, убит в Греции

Ваих Вахди аль-Рамахи, убит в лагере для беженцев Рамалла. 14 лет, убит пулей в спину, выпущенной с наблюдательного поста израильской армии в момент когда не было ни демонстраций, ни протестов, ни вообще никого на улицах.

Матиас Валентин Катрилео Кесада, мапуче убитый в Чили

Теодульфо Торрес Сориано, компа из Шестой пропавший без вести в городе Мехико

Гуадалупе Херонимо и Урбано Масиас, крестьяне из Черана, убитые в Мичоакане.

Франсиско де Асис Мануэль, пропавший без вести в Санта-Мария Остула.

Хавьер Мартинес Роблес, пропавший без вести в Санта-Мария Остула.

Херардо Вера Орсино, пропавший без вести в Санта-Мария Остула.

Энрике Домингес Масиас, пропавший без вести в Санта-Мария Остула.

Мартин Сантос Луна, пропавший без вести в Санта-Мария Остула.

Педро Лейва Домингес, убит в Санта-Мария Остула.

Диего Рамирес Домингес, убит в Санта-Мария Остула.

Тринидад де ла Крус Крисостомо, убита в Санта-Мария Остула.

Крисофоро Санчес Рейес, убит в Санта-Мария Остула.

Теодуло Санчес Хирон, пропавший без вести в Санта-Мария Остула.

Лонхино Висенте Моралес, пропавший без вести в Герреро.

Виктор Аяла Тапиа, пропавший без вести в Герреро.

Хасинто Лопес Диас «Хаси», убит в Пуэбле

Бернардо Васкес Санчес, убит в Оахаке.

Хорде Алексис Эррера, убит в Герреро.

Габриэль Эчеверриа, убит в Герреро.

Эдмундо Рейес Амайя, пропавший без вести в Оахаке.

Габриэль Альберто Крус Санчес, пропавший без вести в Оахаке.

Хуан Франсиско Сисилиа Ортега, убит в Морелосе.

Эрнесто Мендес Салинас, убит в Морелосе.

Алехандро Чао Барона, убит в Морелосе.

Сара Робледо, убита в Морелосе.

Хувентина Вилья Мохика, убита в Герреро.

Рейнальдо Сантана Вилья, убит в Герреро.

Катарино Торрес Переда, убит в Оахаке.

Бети Кариньо, убита в Оахаке.

Юри Хааккола, убит в Оахаке.

Сандра Лус Эрнандес, убита в Синалоа.

Марисела Экобедо Ортис, убита в Чиуауа.

Селедонио Монрой Пруденсио, пропавший без вести в Халиско.

Непомусено Морено Нуньес, убит в Соноре.

Мигранты, похищенные вооруженными группами и вероятно убитые в одном из уголков мексиканской территории.

Заключенные, которых пытаются похоронить заживо: Мумия Абу Джамаль, Леонард Пелтиер, мапуче Марио Гонсалес и Хуан Карлос Флорес.

Не прекращаются похороны голосов, которые были жизнью, чтобы заставить их замолчать их сбивают с земли и захлопывают за ними решетку.

И с каждой лопатой земли, падающей на их могилу, система говорит им: *«ты ничего не стоишь и никому не нужен, никто тебя не оплакивает, никого не возмущает твоя смерть, никто не последует твоим шагам и не подхватит твоей жизни».*

И бросая на могилу последнюю горсть земли она заключает: *«даже если найдут и накажут нас, твоих убийц, я всегда и без труда найду новых, которые устроят на тебя засаду и повторят кровавый танец, покончивший с твоей жизнью».*

И добавляет: *«это мелкое карликовое правосудие вершится только для того чтобы платные средства информации немного успокоили мнение обывателя, перед приближающимся разгулом хаоса, оно не пугает меня, не мешает мне, я остаюсь неуязвима».*

Что мы можем сказать этому телу, которое в забвении хоронят в любом уголке мира?

Что у нас есть только наша боль и возмущение?

Что важна только наша ярость?

Что пока мы шептали нашу историю, мы не слышали его криков и его боли?

У несправедливости есть множество имен и крики ее жертв доносятся непрерывно и отовсюду.

Но наши боль и возмущение не мешают нам слушать.

И шепот наш служит нам не только для сожаления о несправедливых смертях наших

павших.

Мы говорим тихо, чтобы услышать боль других, сделать нашим их возмущение, и продолжить этот сложный, длинный и извилистый путь, стараясь превратить правду этих голосов в материал для освободительной борьбы.

Мы стараемся помнить о том, что пока кто-то говорит шепотом, кто-то кричит.

И только внимательное ухо может услышать это.

Пока мы сейчас здесь слушаем и говорим, кто-то кричит от боли и от возмущения.

И так же, как необходимо научиться смотреть и видеть, наш слух тоже должен настроиться на нужную частоту.

Потому что пока кто-то отдыхает, кто-то продолжает восхождение.

Чтобы увидеть это достаточно опустить взгляд и поднять как можно выше сердце.

Можете?

Сможете?

Мелкое правосудие немного похоже на месть. Мелкое правосудие распределяет безнаказанность, потому что наказывая кого-то одного, оно освобождает от ответственности всех остальных.

Правосудие, которого мы хотим и за которое боремся, не ограничивается тем, чтобы найти убийц компы Галеано и увидеть, как они несут заслуженное наказание (чего им не избежать, и пусть ни у кого не остается на этот счет иллюзий).

Терпеливый и упрямый поиск правды вместо чувства облегчения от смирения с судьбой.

Настоящее большое правосудие не имеет ничего общего с похороненным телом товарища Галеано.

Потому что мы спрашиваем себя не о том, что нам делать с его смертью, а что мы должны сделать с его жизнью.

Прошу прощения, если я вступаю сейчас на скользкую почву общих фраз, но этот товарищ не заслуживал смерти, тем более такой смерти.

Все его усилия и мечты, вся человеческая самоотдача каждого прожитого им дня, невидимые ни для кого кроме нас, были ради жизни.

И я могу сказать вам, что был он человеком совершенно особенным, и кроме того – и это главное чудо – в индейских сапатистских общинах есть тысячи товарищей, таких же особенных, с такой же убежденностью, ясностью, чувством долга и единственной целью – свободой.

И возвращаясь к грустному – если кто-то и заслуживает смерти, то это тот, кого нет и

никогда не было, за исключением скоротечного гламура в платных средствах массовой информации.

Уже наш товарищ, командир и представитель САНУ субкоманданте Моисес, сказал нам, что убив Галеано или любого из сапатистов, те, кто наверху, хотят уничтожить САНУ.

Причем они хотят нас уничтожить не столько как армию, сколько как бунтаря-безумца, который строит и защищает жизнь там, где те, кто наверху, пытаются превратить все в пустыню для горнодобывающей, нефтяной и туристической промышленности, где убивают землю и тех, кто на ней живет и работает.

И субкоманданте Моисес сказал, что мы пришли сюда как САНУ, чтобы открыть могилу Галеано.

Мы думаем, что чтобы Галеано жил, один из нас должен умереть.

И для того, чтобы эта незванная гостья именуемая смертью осталась довольной, на место Галеано мы подставим другое имя и так Галеано останется жить, а смерть вместо жизни унесет с собой только имя, буквы лишены всякого смысла, без собственной истории, без жизни.

Поэтому мы решили, что Маркос прекратит свое существование сегодня.

Чтобы он не заблудился, его уведут за руку Тень Воина и Светлячок, с ним уйдут Дон Дурито и Старик Антонио.

Девочки и мальчики, собиравшиеся раньше, чтобы слушать его сказки, не будут по нему скучать, потому что они все уже большие, они уже сами все прекрасно понимают и как и он борются за свободу, демократию и справедливость, поскольку именно это и есть главное занятие любого сапатиста.

Котопес, а не лебедь споют ему сейчас свою прощальную песню.

И наконец, те, кто сможет поймут, что не уходит тот, кого никогда не было и не умирает тот, кто никогда не жил.

И смерть уйдет обманутая индейцем, боевое имя которого было Галеано, и он опять будет ходить по этим камням, которые сложены на его могиле и будет учить всех, кто этого захочет, основным азам сапатизма, а именно – не продаваться, не сдаваться, не опускать рук.

Ах, смерть! Как будто не очевидно, что тех, кто наверху она всегда освобождает от любой ответственности, за исключением надгробной молитвы, серого почтения памяти, бесплодной статуи, музея на страже добродетели усопшего.

И нас? Нас смерть обязывает только той ее частью, которая остается в ней от жизни.

Так что мы здесь, в Ла-Реалидад продолжаем заниматься обманом смерти.

Товарищи,

Учитывая все раньше сказанное, сейчас, в 02:08 25 мая 2014 года на юго-восточном фронте САНУ, я объявляю о прекращении существования того, кто был известен как субкоманданте Маркос, самопровозглашенный «субкоманданте из нержавеющей стали».

Вот.

От моего имени уже не будет говорить Сапатистская Армия Национального Освобождения.

Счастливо и навсегда прощайте... или до встречи, те, кто понял, знают, что это уже не важно и вообще никогда не было важным.

Из сапатистской реальности

Субкоманданте Маркос.

Перевод Олега Ясинского